

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГОДЪ II.

ХАРЬКОВЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ 25 АПРѢЛЯ (7 МАЯ) 1882 ГОДА.

№ 454.

Отдѣльные №№ „Южнаго Края“ продаются по 6 к.

„Ю Ж Н Ы Й К Р А Й“

1882 года.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакция газетъ помѣщается въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1-й; для личныхъ объясненій по дѣламъ газетъ открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 9-хъ до 3-хъ часовъ дня. Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть непременно за подписью и съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ обозначенія условий, принимаются безплатными. Статьи, признанныя удобными для печати, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Мелкія статьи, замѣтки и корреспонденціи, неудобныя для печати, уничтожаются.

Литературная редакция въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Изюмнина, принимаетъ подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 8 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресенье и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дня.

Кромѣ того, ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ Петербургѣ — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подлинки и объявленій Н. Петковской; въ Варшавѣ — въ редакціи агентствъ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ — въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ — въ книжномъ магазинѣ В. И. Бланта и Е. П. Рапонова; въ Полтавѣ — въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойко-Розенца и въ Кременчугѣ — у нотариуса И. Ф. Зинбергера. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ — у Bayas, Lafite et Co, Place de la Bourse.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ годъ.	Въ полъ.	Въ годъ.	Въ полъ.	Въ годъ.	Въ полъ.	Въ годъ.	Въ полъ.	Въ годъ.	Въ полъ.
На годъ.	10 50	12 50	12 50	10 50	12 50	10 50	12 50	10 50	12 50
„ 11 мѣс.	10	11 50	12	10	11 50	10	11 50	10	11 50
„ 9	9 25	10 75	11 25	9	10 75	9	10 75	9	10 75
„ 8	8 50	10	10 25	8	9 50	8	9 50	8	9 50
„ 7	7 75	9 10	9 50	7	8 50	7	8 50	7	8 50
„ 6	7	8 20	8 50	6	7 50	6	7 50	6	7 50

Допускается разсрочка платежа за годовую подписку, по соглашенію съ редакціей. Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ВЪ КНИЖНОМЪ И МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

БОЛЕСЛАВА КОРЕЙВО

въ КІЕВѢ, Крещатикѣ, № 35-й.

поступили въ продажу слѣдующія музыкальныя произведенія:

3-й СЫРНИКЪ УКРАЇНСКИХЪ ПІСЕНЬ

зібравъ и у ноті завівъ М. Лисенко. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

1-й и 2-й сырники украинскихъ пісень

М. Лисенко. Цѣна по 2 р. 50 к., съ перес. по 3 р.

НОТЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

Лисенко. М. Оп. 8. Первая украинская респодія	Цѣна 1 р. 50 коп.
„ Оп. 15. Barcarolle	— 75 „
„ Оп. 17. Valse polonoise	— 75 „
„ Оп. 18. Шумка-Думка 2-е Rhapodie de l'Ukraine	— 90 „
„ Оп. 19. Nocturne Cis-moll	— 90 „
Маршечко Г. 19. Малороссійскіе пісень	— 75 „
Константиновъ Г. Вальсъ „А изъ рожи, рожи темной“ и другихъ пісень, пѣтыхъ въ концертахъ Славянскихъ	— 75 „
Ходоровскій Г. К. Баркаролла (В-мол)	— 60 „
„ Украинская респодія	— 1 50 „
Вальсъ-Кантатъ	— 90 „
Завадскій М. Украинскіе танцы (Чабышки) Оп. 339, въ 5-ти тетрадяхъ, каждая по	1 „ 20 „

Всѣ эти ноты продаются во всѣхъ лучшихъ музыкальныхъ магазинахъ.

СТРАХОВАНІЕ ПЕНСІИ НА СТАРОСТЬ.

Примѣръ: лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себя пенсію (доходъ) въ 1,000 рублей ежегодно, уплаты которой начинается съ 60-ти лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить страховому обществу „Россія“, до начала пенсіи, по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.

СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ“.

выдаваемыхъ и высланныхъ по требованію безплатно правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13), и агентами.

Контора главнаго агентства помѣщается на Театральной площади, въ домѣ И. О. Рубинштейна, открыта ежедневно кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10 час. утра, до 3 час. по полудню.

Главный агентъ Исаакъ Яковлевичъ Рубинштейнъ.

Въ воскресенье, 25-го апрѣля, въ 12 часовъ дня, въ помѣщеніи губернской земской управы, Васатерноспаска ул., д. Анненковъ, назначено годовое собраніе членовъ харьковскаго общества трамвотности. (3734) 3—

Бухгалтеръ и корреспондентъ.

знающій иностранные языки, имѣетъ мѣсто или хотѣ временнаго занятія. Адресовать и личныя рекомендаціи. Адресъ: Петровский пер., по Рабской ул., домъ № 12-й, Карлыоникъ, кв. № 3-й. 10—4

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 24 апрѣля 1882 года.
Обозрѣніе газетъ и журналовъ.
Маленькій фельетонъ.
Мѣстная хроника: Изъ городской жизни.
Телеграммы (отъ Международнаго телеграфнаго агентства и изъ другихъ телеграфовъ).
Последнія извѣстія.
Внутреннія извѣстія: Корресп. „Южн. Края“ изъ Симферополя, Кременчука и Чернигова.—Извѣстія другихъ газетъ: изъ Кіева, Таганрога, Николаева, Керчи и Одессы.
Внѣшняя корреспонденція: изъ Женевы.
Судебная хроника: временное отдѣленіе видѣнскаго военно-окружнаго суда въ Ригѣ.
Бѣшенъ.
Барнаулъ хроника и торговый отбѣлъ.
Календарь.
Справочныя свѣдѣнія.
Фельетонъ: Въ погоню за кабакомъ, Гр. Шрейдера.
Объявленія.

ХАРЬКОВЪ,

24-го апрѣля 1882 г.

На дняхъ было опубликовано уже извѣстное нашимъ читателямъ „Поло-

женіе о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей“. Это „Положеніе“ касается только тѣхъ „поднадзорныхъ“, которые признаны „вредными для общественного спокойствія“ въ политическомъ отношеніи, такъ что обвиняемые, отданные „подъ надзоръ“ полиціи судебнымъ слѣдователемъ, съ цѣлью преслѣванія способно уклоняться отъ слѣдствія и суда, остаются по прежнему подъ произволомъ администраціи, которая, какъ выяснилось изъ отчета Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія недостатковъ современнаго состоянія слѣдственной части, примѣняетъ эту мѣру весьма разнообразно. Нѣкоторые полицейскія управленія берутъ съ обвиняемыхъ подписку о неотлучкѣ изъ даннаго района безъ особаго дозволенія; другія — поручаютъ мѣстнымъ полицейскимъ чиновникамъ и даже служителямъ надбѣдываться въ извѣстные сроки къ поднадзорному и, такимъ образомъ, имѣть его подъ своимъ наблюденіемъ; третьи — вынуждаютъ въ обязанность самому поднадзорному являться въ полицейское управленіе въ извѣстные часы дня или даже приходиться туда позвонить; четвертыя — подъ „надзоромъ“ разумѣютъ тотъ же арестъ съ нѣкоторыми только облегченіями; пятныя — ограничиваются отбѣткою въ книгахъ полицейскаго управленія, что такое-то лицо состоитъ подъ надзоромъ полиціи; шестыя — отдаютъ обвиняемаго на поруки или отбираютъ у него паспортъ. Слѣдовательно, „надзоръ“ надъ обвиняемымъ можетъ быть и въ

полномъ смыслѣ слова фиктивнымъ и крайне стѣснительнымъ, доходящимъ до совершеннаго лишенія свободы; все зависитъ отъ „усмотрѣнія“ должностныхъ лицъ. Поднадзорные изъ „политически-неблагонадежныхъ“ отъ „усмотрѣнія“ администраціи въ настоящее время до нѣкоторой степени избавлены, но только до нѣкоторой степени; въ большинствѣ случаевъ „усмотрѣніе“ все-таки, какъ увидимъ, остается во всей своей силѣ. Для того, чтобы понять „Положеніе“, какъ слѣдуетъ, необходимо разсматривать его въ связи съ „Правилами объ административной высылкѣ“, утвержденными 14-го сентября прошлаго года. „Правила“ эти во многомъ облегчили участь поднадзорныхъ (и теперь и дальше мы говоримъ только о „привлеченныхъ вредными для общественного спокойствія“, о заподозренныхъ въ стремленіи совершить „преступленіе противъ существующаго государственнаго порядка“). Прежде министръ внутреннихъ дѣлъ собственной властью могъ высылать „неблагонадежнаго“ въ мѣста отдаленныя или „не столь отдаленныя“ на неопредѣленный срокъ, причѣмъ не были приняты въ соображеніе заподозрѣнности. Правила сдѣлали слѣдующія нововведенія: 1) подлежащая власть, убѣдившись въ необходимости высылки частнаго лица, представляетъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, съ подробнымъ объясненіемъ основаній къ принятію этой мѣры, а также предположеній о срокѣ высылки; 2) представленіе этого рода разсматривается въ особомъ совѣщаніи, образуемомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ товарищей министра, изъ четырехъ членовъ — двухъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и двухъ отъ министерства юстиціи. Постановленія особаго совѣщанія представляются на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ; 3) при обсужденіи представленій о высылкѣ, упомянутое совѣщаніе можетъ потребовать необходимыхъ дополненій и разъясненій, а въ случаѣ надобности — вызвать для личныхъ объясненій предначинанное къ высылкѣ лицо; 4) для безвыѣзднаго пребыванія въ мѣстѣ, для высылки опредѣленномъ, устанавливается срокъ въ разбѣрѣ отъ одного года до пяти лѣтъ. Очевидно, что, благодаря „Правиламъ“, „надзоръ“ назначается теперь осмотнительнѣе, чѣмъ прежде, но и въ настоящее время нѣтъ гарантій, что подъ него нельзя подпасть

ВЪ ПОГОНЮ ЗА КАБАКОМЪ.

(Изъ южно-русскихъ кабацкихъ лѣтописей).

Приближалось время парламентскихъ выборовъ, то бишь, торговъ на отдачу въ аренду „громадскаго шинка“. Все Николаевка раздѣлилась на четыре враждующихъ лагеря. Тутъ была и правая консервативная партія, желавшая все оставить по старому и потому державшаяся жиды Янкеля и пившая на его счетъ. Тутъ была и лѣвая, болѣе многочисленная, державшаяся помѣщика-заводчика Егора Васильевича Николаева и потому пившая на его счетъ. Былъ и центръ, самая многочисленная партія, пившая и на счетъ Янкеля и на счетъ Николаева. Была тутъ и крайняя лѣвая, состоявшая всего изъ 2—3-хъ зажиточныхъ мужиковъ, не брававшихъ въ ротъ „зелена вина“ и потому толковавшихъ о совершенномъ упраздненіи шинка. Однимъ словомъ парламентаризмъ достигъ въ Николаевкѣ своей кульминаціонной точки и избирательная агитація была въ полномъ разгарѣ: произносились избирательные списки „въ забавномъ русско-мъ слогѣ“, услащенные ради большаго эффекта, ящей убѣдительности и доказательности и для сильнѣйшаго воздѣйствія на слушателей такими словечками, какихъ не удалось услышать ни одному европеизму парламенту; выпивалось громадное количество водки на счетъ кандидатовъ; представители различныхъ партій въ критическіе моменты цускались въ ходъ для запятки своихъ кандидатуръ самую убѣдительную аргументацію, сирѣчь — кулаки, и въ такихъ случаяхъ болѣе всего доставалось за шаткость убѣжденій и ренегатство „цен-тру“, котораго тузили и правая, и лѣвая. И т. д., и т. д. Но такое строгое разграниченіе партій держалось не долго, потому что, чѣмъ болѣе приближался роковой день выборовъ, виноватъ, торговъ, тѣмъ болѣе всѣ партіи смѣшивались, и въ одинъ прекрасный день случилось, наконецъ, нѣчто неслыханное въ парламентскихъ лѣтописяхъ, а именно случилось то, что

окончательно ошальше отъ двухъ-недѣльнаго безпрерывнаго пьянства Николаевцы вдругъ всѣ, за исключеніемъ крайней лѣвой, очутились въ „центрѣ“, т. е. пили и у Янкеля, и у Николаева. Понятно, что при такомъ смѣшеніи партій тузили уже не изъ-за убѣждений, а такъ, кого попопало, тузили потому, что нужно же было кого-нибудь тузить, тузили ради самаго процесса, сказать, ан und für sich, и потому часто случалось, что „своя своя не познаша“. Наконецъ гг. кандидаты образовали, что, продолжая въ томъ же духѣ избирательную агитацію, придется, пожалуй, ко дню торговъ совѣсь лишиться избирателей, которые и теперь уже лишились „божьяго дара“ и только мычали, а къ тому времени и мычать перестанутъ, такъ что нельзя будетъ составить „приговора“ на законномъ основаніи, ибо, что ни говори, а составить „приговоръ“ въ виду схода, изображающаго собою брачное поле, уснащенное пьяными тѣлами, лишонными даже способности мычать, — ужъ какъ ни какъ, а едва ли было бы законно. Въ виду этого гг. кандидаты и порѣшили за день до торговъ дать своимъ избирателямъ... *высказаться*, почему и прекратили выдачу водки. Да кромѣ того у гг. кандидатовъ былъ тутъ еще и другой расчетъ. Съ Николаевцами, у которыхъ съ похмѣлья будетъ горько все нутро и голова адски трещать, которымъ свѣтъ божій будетъ не миль, которымъ нужно будетъ во что бы то ни стало опохмѣлиться, — легче будетъ поладить, пообщаться лишній шпалникъ мотарыча. Да, гг. кандидаты были оптимисты, очень оптимисты, кабацкихъ дѣлъ мастера, умѣвшіе обезвредить себя успѣхъ!...

Наконецъ, наступило такое морозное декабрьское утро воскресенья, въ которое должны были происходить торги. Низенькая, маленькая хата Николаевскаго парламента, характерно имевшаго на образномъ мѣстномъ нарѣчій „расправой“, — именемъ, при которомъ въ воображеніи невольно по ассоціаціи идей рисуется кар-

тина „выбыванія“, „выколачиванія“ и т. под. — была полнымъ полнохвѣномъ набита Николаевцами, которыхъ еще большее число стояло на улицѣ передъ „расправой“. Не слышно было ни громкихъ криковъ, ни бурныхъ рѣчей: собраніе было тихое, печальное, сосредоточенное и носило такой видъ, точно собралось кого хоронить. Изрѣдка только тинина нарушалась громкими вздохами какого-нибудь переживавшаго Николаевца. Тутъ было опять-таки, хотя и по другимъ уже причинамъ, не до партій, или вѣрнѣе — всѣ партіи сходились на одномъ желаніи, которое легко прочитывалось на кисло-тоскливыхъ, обрюзглыхъ физиономіяхъ съ всклокоченными волосами и часто съ сине-багровыми фонарями подъ мутными ослеплявшими глазами. Это единодушное желаніе всѣхъ заключалось въ томъ, чтобы во что бы то ни стало было сخرة повончено съ торгами и приступлено къ „мотарычу“. Одна только крайняя лѣвая, предводительствуемая Симеонъ Кивою — степеннымъ мужикомъ, рачителемъ мірскихъ интересовъ — держала себя съ достоинствомъ, сидя въ уголку „расправы“ у самыхъ дверей и изрѣдка пытаясь образумить ошалѣвшихъ Николаевцевъ, которые, однако, мало обращали вниманія на увѣщанія и только нескоро бросали нетерпѣливо-негодующіе взоры на „оппозицію“. Между тѣмъ жаръ и духота все болѣе увеличивались, лица Николаевцевъ все болѣе краснѣли и покрывались крупными каплями пота, взгляды, бросаемые на двери, дѣлались все тоскливѣе, очевидно, у Николаевцевъ лопалось терпѣніе. Но вотъ всѣ какъ-то вдругъ приободрились, повеселѣли: со двора послышался шумъ и въ дверяхъ показались кандидаты „правой“, длинный, сухой, тощій, горбоносый, юркій Янкель.

— *Здоровіе, честна громада!* поздоровался онъ, низко кланяясь сходу. — Здорово, Янкель! Здорово, „сердешный“! — привѣтствовала его правая и центръ при глубокомъ молчаніи лѣвой и крайней.

Николаевцы вообще относились къ Ян-

келю очень дружески, что доказываетъ ся уже произнесеніемъ „сердешный“, которыми они его окрестили. И дѣйствительно Янкель въ средѣ шинкарей представлялъ собой явленіе *довольно отпадное*: четверку лишь почти что полную, водки лишь въ водку капельку, приносилъ же всегда почти самую малость и съ Николаевцами обращался очень ласково. Какъ малый, далеко не глупый, онъ прекрасно понималъ, что находится въ полной зависимости отъ громады въ виду такихъ опасныхъ конкурентовъ, какъ Николаевъ и отецъ Иванъ, который тоже, грѣшнымъ дѣломъ, имѣлъ шинокъ въ Николаевкѣ, на церковной землѣ, понятно, подъ чужой фирмой. Если громада не сознавала своей силы, то за Янкеля прекрасно ее сознавала. Не дай ему, Янкелю, Николаевцы приговора на шинокъ и ему останется только одѣть суму и идти по міру: вѣдь, одна лавочка безъ шинка немного дастъ. Вотъ почему онъ держался такъ крѣпко за Николаевскій міръ, который въ свою очередь неохотно промѣнялъ бы Янкеля на кого другаго, а въ особенности — на Николаева, съ которымъ крестьяне жили не особенно въ ладу. А Николаеву между тѣмъ „громадскій шинокъ“ нуженъ былъ, какъ говорится, до зарѣзу. Какъ и всякій заводчикъ, онъ прежде всего добивался „монопольн“ — т. е. того, чтобы цѣлый округъ, состоящій изъ одной, двухъ, трехъ и т. д. волостей, былъ уснанъ исключительно его шинками, потреблялъ исключительно его водку; а тутъ вдругъ у него, какъ говорится, подъ самымъ носомъ оказывается „громадскій шинокъ“, арендаторъ котораго паршивецъ-Янкель, опираясь на недоброжелательно относящуюся къ Николаеву громаду, состоитъ *заборникомъ* у сосѣдняго заводчика Панкратьева, у котораго забираетъ гораздо дешевле водку, гораздо лучшую Николаевской по качеству, чѣмъ окончательно отбилъ у

*) „Законъ существуетъ для того, чтобы его обходить“. Не смотря на запрещеніе закономъ „кабацкой монополии“, она существуетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, ибо заводчикъ имѣетъ всегда подъ руками достаточно чужихъ фирмъ, которыми онъ можетъ воспользоваться.

Николаевцевъ охоту ходить въ „экономическій“ Николаевъ шинокъ, и, такимъ образомъ, противно всякимъ международнымъ законамъ врывался въ самое, такъ сказать, сердце монополизированной Николаевымъ области. Кромѣ того, имѣя въ своихъ рукахъ „громадскій шинокъ“, Николаевъ могъ бы тѣмъ сильнѣе зажать въ эти самыя руки Николаевцевъ, которые все „не шли въ огороли“, ибо предшественникъ Николаева — царство ему небесное! — далеко уступая Висмарку въ дипломатической тонкости и политической дальновидности такъ чрезмѣрно обрадовался „выкупнымъ“, что на радостяхъ произвелъ преглупѣйшую единственную въ своемъ родѣ наувѣрку земли, такъ что не экономическая земля, какъ въ благоустроенномъ государствѣ быть должно, граничила съ землей сосѣдняго помѣщика, а крестьянская. Неблагодарные Николаевцы, понятно, не замедлили этиа воспользоваться имъ, и не нуждаясь въ Николаевѣ, навмавали „толку“ и землю у своего сосѣда, въ виду чего Егору Васильевичу никогда не удавалось, если не считать изрѣдка передававшихъ на его долю штрафовъ, обезпечить за собою крупныхъ отработковъ, въ родѣ, напримеръ, сюрриза, преподоснаго очень часто сосѣдними крестьянами своимъ помѣщикамъ, — сюрриза, состоящаго изъ 2—3 сотъ десятины посѣва, произведеннаго крестьянскими зерномъ и крестьянскими же руками.... Понятно, что совсѣмъ этимъ Николаеву трудно было помириться. И вотъ противъ Янкеля и Николаевцевъ составилась коалиція изъ Николаева, о. Иванова, сельскаго писаря и Оедьки Чоботара, горькаго пьянчужки изъ оголѣлыхъ крестьянъ. Оедька — типъ недавній, созданный послѣднимъ десятилетіемъ въ жизни нашей деревни. Онъ — своего рода кулакъ-мироѣдъ. Не имѣя за душой ни кола, ни двора, онъ тѣмъ не менѣе держалъ въ своихъ рукахъ чуть ли не половину Николаевки и держалъ *не рублемъ, а запуганіемъ*. Извѣстный проныра-клаузыникъ, соваящій повсюду свой нечистый носъ, онъ без-

престанно „мутить“ міръ, являясь на сходахъ первымъ крикуномъ-горлопаномъ, знающимъ всѣ грѣшныя міра въ совокупности и каждаго Николаевца въ отдѣльности, чѣмъ и заставлялъ ихъ „откупаться“ и поить водкой на даровиную. Понятно, что при такихъ условіяхъ Оедькѣ легко было составить въ пользу „коалиціи“, которая иначе была бы безсильна, партію изъ наиболѣе прегрѣшвшихъ Николаевцевъ, каковыхъ было не мало, почему „лѣвая“ и оказалась многочисленнѣе „правой“. Не смотря, однако, на все это, не унывалъ и Янкель: будучи знакомъ изъ „Гамагиды“ *) съ практикой европейскіхъ парламентовъ и принимая во вниманіе неприянь Кіевъ въ Николаеву, онъ надѣялся, что въ критическій моментъ въ правой примкнетъ и Кава со своей партіей, а тогда можно было ожидать и поддержки центра.

— Какъ же, честна громада, — быть по старому? — обратился Янкель къ сходу. — Чего не быть! — отвѣтилъ Оома Марченко, предводитель правой. — Чего не быть. — Чего не быть! — передразнилъ его Оедька, зыательно улыбаясь и открывая два ряда черныхъ зубовъ, среди которыхъ не досчитывалось двухъ переднихъ. — Ишь, какъ съ жидомъ снюхался. Примолкнутъ, братъ, Оома! Держи языкъ за зубами, а то неравно откусимъ. Забылъ, видно, про Марьянку? Чи ты не съ жидомъ къ ней пляснешь? Думаешь, — я такъ-таки нечестовинки и не видѣлъ? А? — насмѣливо улыбаясь, покривлялъ онъ на покраснѣвшемъ и старавшемся спрятаваться за спины товарищей Оому. — Геть жидъ! — заорала лѣвая. — Чего загомонили? (Чего зашумѣли?) Что вамъ жидъ сдѣлалъ? Оедьку слушайте! Къ чорту и Оедьку, и пана! Не нужно намъ пана! Много отъ него добра видѣли? — орала правая.

*) Газета, издаваемая въ Берлинѣ на древне-еврейскомъ языкѣ.

дующия права: 1) она может входить в его квартиру „во всякое время“; 2) она может у него производить обски и выемки, но съ тѣмъ, чтобы всакій разъ составлялся о томъ протоколъ. Можно надѣяться, что полицейская власть, заваленная всевозможными поручениями, станетъ пользоваться своими прерогативами неслишкомъ часто и не оскорбляя нравственнаго достоинства лицъ, върѣнныхъ ей наблюдению.

Казалось бы, нѣтъ надобности при широтѣ правъ, данныхъ полиціи надъ поднадзорнымъ, сбѣснать его еще и при выборѣ занятій. А между тѣмъ „Положеніе“ доводитъ строгость въ этомъ отношеніи до крайнихъ предѣловъ. Нѣкоторая ограниченность трудно даже объяснить. Если запрещеніе содержать библіотеки и типографіи, принимать учениковъ для обученія ремесламъ и искусствамъ и, вообще, заниматься педагогическою дѣятельностью легко оправдать, какъ мѣру предупрежденія пропаганды-государственныхъ идей, то чѣмъ объяснить сбѣсненіе права заниматься письменными работами по найму въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ? Чѣмъ объяснить запрещеніе участвовать въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ въ родѣ математическаго или селско-хозяйственнаго и въ сценическихъ представленіяхъ? Чѣмъ объяснить, наконецъ, запрещеніе быть членами частныхъ обществъ, компаній и корпоративныхъ управленій? Для поднадзорнаго закрыта „всякаго рода публичная дѣятельность“. Если онъ актеръ—ему придется распрости́ться со сценою; если онъ музыкантъ, ему надо отказаться отъ разчетовъ на концерты.

Повторяемъ съ чего начали: „Положеніе“ и „Правила“ только „до нѣкоторой степени“ устраняютъ „усмотрѣніе“, подлежащихъ властей“. Въ виду суровости надзора, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, устроить возможность произвольнаго примѣненія его.

Женскіе медицинскіе курсы, учрежденные въ 1872 г., по инициативѣ бывшаго военнаго министра графа Милутина, въ настоящее время переживаютъ кризисъ; возникъ вопросъ: быть имъ или не быть. Военное министерство почему-то отказалось зафѣксировать курсы, министерство народнаго просвѣщенія тоже не обнаруживаетъ вклонности взять ихъ на свое попеченіе. Оба вѣдства, вѣроятно, стремятся къ сокращенію расходовъ и потому совершенно хладнокровно относятся къ судьбѣ учебнаго заведенія, въ пользу котораго сомнѣваться едва ли есть основаніе, особенно военному министерству, такъ какъ ему, конечно, прекрасно извѣстны заслуги врачей-женщинъ передъ нашей арміей въ послѣднюю войну.

И въ качествѣ ординаторовъ, и въ качествѣ самостоятельныхъ врачей,—го-

ворить „Русскій Курьеръ“,—онѣ во все время

войны трудились наравнѣ съ мужскими персоналомъ, заведуя и терапевтическими, и хирургическими госпитальными палатами. Дѣятельность многихъ изъ нихъ не ограничивалась общими ординаторскими обязанностями въ госпиталяхъ, а выражалась и въ самостоятельномъ занятіи въ качествѣ повѣрочныхъ врачей, или врачей частей даже передовыхъ отрядовъ и на передовыхъ пунктахъ. Одна изъ женщинъ-врачей, г-жа Бальбогъ, работала на одной изъ батарей въ отрядѣ обложенія Плевны и исполняла все чѣло всѣхъ обязанностей вѣдѣннаго военнаго врача, перенесши всѣ трудности дѣятельности въ плевенскіе госпитали послѣ изгнания Плевны. Не легко перечислить всѣ заслуги женщинъ-врачей въ минувшую кампанію, и если мы и упомянули о нихъ вскользь, то лишь для того, чтобы ярче показать, насколько женскіе врачебные курсы оправданы возлагаемыми на нихъ надеждами и доказали свое право на существованіе, какъ нѣчто необходимое для государства и общества.

Слабая струна нашихъ порядковъ заключается, между прочимъ, въ томъ, что нѣрѣдко наилучшія учрежденія, созданныя тѣмъ или другимъ министромъ, со стороны его преемниковъ нѣрѣдко не встрѣчаютъ поддержки и сочувствія, хотя и составляютъ нѣчто необходимое для государства и общества....

„Московскія Вѣдомости“ продолжаютъ громить „Голосъ“ и ежедневно шельмовать его съ разнасяющей достойною „Помоевъ“. И шарлатанъ одинъ, и пошлякъ, и интриганъ, словомъ, чуть не крамольникъ! За что такая напасть? За то, что въ Пруссіи реальными училищамъ даны нѣкоторыя права гимназій, за то, что въ странѣ, гдѣ до сихъ поръ царила классическая система „во всей ея неприкосновенности“, пришли къ убѣжденію, что и безъ греческаго языка можно сдѣлаться „зрѣлымъ“ и приобщити развитію, необходимому для поступленія хотя бы на нѣкоторые факультеты университета. Но „Голосъ“ въ чомъ же виноватъ? Виновать-то онъ не виноватъ, но такъ какъ вмѣстѣ съ многими другими газетами онъ дерзнулъ выразить удовольствіе по поводу совершившейся реформы, то „Московскія Вѣдомости“ и напустились на него, и въ азартѣ дошли до того, что стали даже увѣрять, будто классическая система укрѣпилась въ Пруссіи теперь еще больше. Доказательства... Доказательства понять чрезвычайно трудно. Реальныя училища обращены въ гимназій, „Москов. Вѣдомости“ этого не отрицаютъ, не отрицаютъ онѣ и того, что прусскіе реалисты не изучаютъ греческаго языка, что не имѣяеть имъ, однако, по новому закону поступать на естественный и медицинскій факультеты... Все это „Московскія Вѣдомости“ признаютъ, но, „принимая во вниманіе“, что въ программѣ реальныхъ гимназій прибавлено нѣсколько лекцій по латинскому языку, объявляютъ, будто Пруссія сдѣлала первый шагъ къ обращенію реальныхъ гимназій въ классическія. „Голосъ“ съ этимъ, разумеется, не соглашается, и за то играетъ роль какого-то „страстотерпца“, обреченнаго выслушивать кривіе слова, чуть не площадную ругань московскихъ „Помоевъ“.

Повторяемъ съ чего начали: „Положеніе“ и „Правила“ только „до нѣкоторой степени“ устраняютъ „усмотрѣніе“, подлежащихъ властей“. Въ виду суровости надзора, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, устроить возможность произвольнаго примѣненія его.

Женскіе медицинскіе курсы, учрежденные въ 1872 г., по инициативѣ бывшаго военнаго министра графа Милутина, въ настоящее время переживаютъ кризисъ; возникъ вопросъ: быть имъ или не быть. Военное министерство почему-то отказалось зафѣксировать курсы, министерство народнаго просвѣщенія тоже не обнаруживаетъ вклонности взять ихъ на свое попеченіе. Оба вѣдства, вѣроятно, стремятся къ сокращенію расходовъ и потому совершенно хладнокровно относятся къ судьбѣ учебнаго заведенія, въ пользу котораго сомнѣваться едва ли есть основаніе, особенно военному министерству, такъ какъ ему, конечно, прекрасно извѣстны заслуги врачей-женщинъ передъ нашей арміей въ послѣднюю войну.

И въ качествѣ ординаторовъ, и въ качествѣ самостоятельныхъ врачей,—го-

ворить „Русскій Курьеръ“,—онѣ во все время войны трудились наравнѣ съ мужскими персоналомъ, заведуя и терапевтическими, и хирургическими госпитальными палатами. Дѣятельность многихъ изъ нихъ не ограничивалась общими ординаторскими обязанностями въ госпиталяхъ, а выражалась и въ самостоятельномъ занятіи въ качествѣ повѣрочныхъ врачей, или врачей частей даже передовыхъ отрядовъ и на передовыхъ пунктахъ. Одна изъ женщинъ-врачей, г-жа Бальбогъ, работала на одной изъ батарей въ отрядѣ обложенія Плевны и исполняла все чѣло всѣхъ обязанностей вѣдѣннаго военнаго врача, перенесши всѣ трудности дѣятельности въ плевенскіе госпитали послѣ изгнания Плевны. Не легко перечислить всѣ заслуги женщинъ-врачей въ минувшую кампанію, и если мы и упомянули о нихъ вскользь, то лишь для того, чтобы ярче показать, насколько женскіе врачебные курсы оправданы возлагаемыми на нихъ надеждами и доказали свое право на существованіе, какъ нѣчто необходимое для государства и общества.

Слабая струна нашихъ порядковъ заключается, между прочимъ, въ томъ, что нѣрѣдко наилучшія учрежденія, созданныя тѣмъ или другимъ министромъ, со стороны его преемниковъ нѣрѣдко не встрѣчаютъ поддержки и сочувствія, хотя и составляютъ нѣчто необходимое для государства и общества....

„Московскія Вѣдомости“ продолжаютъ громить „Голосъ“ и ежедневно шельмовать его съ разнасяющей достойною „Помоевъ“. И шарлатанъ одинъ, и пошлякъ, и интриганъ, словомъ, чуть не крамольникъ! За что такая напасть? За то, что въ Пруссіи реальными училищамъ даны нѣкоторыя права гимназій, за то, что въ странѣ, гдѣ до сихъ поръ царила классическая система „во всей ея неприкосновенности“, пришли къ убѣжденію, что и безъ греческаго языка можно сдѣлаться „зрѣлымъ“ и приобщити развитію, необходимому для поступленія хотя бы на нѣкоторые факультеты университета. Но „Голосъ“ въ чомъ же виноватъ? Виновать-то онъ не виноватъ, но такъ какъ вмѣстѣ съ многими другими газетами онъ дерзнулъ выразить удовольствіе по поводу совершившейся реформы, то „Московскія Вѣдомости“ и напустились на него, и въ азартѣ дошли до того, что стали даже увѣрять, будто классическая система укрѣпилась въ Пруссіи теперь еще больше. Доказательства... Доказательства понять чрезвычайно трудно. Реальныя училища обращены въ гимназій, „Москов. Вѣдомости“ этого не отрицаютъ, не отрицаютъ онѣ и того, что прусскіе реалисты не изучаютъ греческаго языка, что не имѣяеть имъ, однако, по новому закону поступать на естественный и медицинскій факультеты... Все это „Московскія Вѣдомости“ признаютъ, но, „принимая во вниманіе“, что въ программѣ реальныхъ гимназій прибавлено нѣсколько лекцій по латинскому языку, объявляютъ, будто Пруссія сдѣлала первый шагъ къ обращенію реальныхъ гимназій въ классическія. „Голосъ“ съ этимъ, разумеется, не соглашается, и за то играетъ роль какого-то „страстотерпца“, обреченнаго выслушивать кривіе слова, чуть не площадную ругань московскихъ „Помоевъ“.

Повторяемъ съ чего начали: „Положеніе“ и „Правила“ только „до нѣкоторой степени“ устраняютъ „усмотрѣніе“, подлежащихъ властей“. Въ виду суровости надзора, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, устроить возможность произвольнаго примѣненія его.

Женскіе медицинскіе курсы, учрежденные въ 1872 г., по инициативѣ бывшаго военнаго министра графа Милутина, въ настоящее время переживаютъ кризисъ; возникъ вопросъ: быть имъ или не быть. Военное министерство почему-то отказалось зафѣксировать курсы, министерство народнаго просвѣщенія тоже не обнаруживаетъ вклонности взять ихъ на свое попеченіе. Оба вѣдства, вѣроятно, стремятся къ сокращенію расходовъ и потому совершенно хладнокровно относятся къ судьбѣ учебнаго заведенія, въ пользу котораго сомнѣваться едва ли есть основаніе, особенно военному министерству, такъ какъ ему, конечно, прекрасно извѣстны заслуги врачей-женщинъ передъ нашей арміей въ послѣднюю войну.

И въ качествѣ ординаторовъ, и въ качествѣ самостоятельныхъ врачей,—го-

ворить „Русскій Курьеръ“,—онѣ во все время

войны трудились наравнѣ съ мужскими персоналомъ, заведуя и терапевтическими, и хирургическими госпитальными палатами. Дѣятельность многихъ изъ нихъ не ограничивалась общими ординаторскими обязанностями въ госпиталяхъ, а выражалась и въ самостоятельномъ занятіи въ качествѣ повѣрочныхъ врачей, или врачей частей даже передовыхъ отрядовъ и на передовыхъ пунктахъ. Одна изъ женщинъ-врачей, г-жа Бальбогъ, работала на одной изъ батарей въ отрядѣ обложенія Плевны и исполняла все чѣло всѣхъ обязанностей вѣдѣннаго военнаго врача, перенесши всѣ трудности дѣятельности въ плевенскіе госпитали послѣ изгнания Плевны. Не легко перечислить всѣ заслуги женщинъ-врачей въ минувшую кампанію, и если мы и упомянули о нихъ вскользь, то лишь для того, чтобы ярче показать, насколько женскіе врачебные курсы оправданы возлагаемыми на нихъ надеждами и доказали свое право на существованіе, какъ нѣчто необходимое для государства и общества.

Слабая струна нашихъ порядковъ заключается, между прочимъ, въ томъ, что нѣрѣдко наилучшія учрежденія, созданныя тѣмъ или другимъ министромъ, со стороны его преемниковъ нѣрѣдко не встрѣчаютъ поддержки и сочувствія, хотя и составляютъ нѣчто необходимое для государства и общества....

„Московскія Вѣдомости“ продолжаютъ громить „Голосъ“ и ежедневно шельмовать его съ разнасяющей достойною „Помоевъ“. И шарлатанъ одинъ, и пошлякъ, и интриганъ, словомъ, чуть не крамольникъ! За что такая напасть? За то, что въ Пруссіи реальными училищамъ даны нѣкоторыя права гимназій, за то, что въ странѣ, гдѣ до сихъ поръ царила классическая система „во всей ея неприкосновенности“, пришли къ убѣжденію, что и безъ греческаго языка можно сдѣлаться „зрѣлымъ“ и приобщити развитію, необходимому для поступленія хотя бы на нѣкоторые факультеты университета. Но „Голосъ“ въ чомъ же виноватъ? Виновать-то онъ не виноватъ, но такъ какъ вмѣстѣ съ многими другими газетами онъ дерзнулъ выразить удовольствіе по поводу совершившейся реформы, то „Московскія Вѣдомости“ и напустились на него, и въ азартѣ дошли до того, что стали даже увѣрять, будто классическая система укрѣпилась въ Пруссіи теперь еще больше. Доказательства... Доказательства понять чрезвычайно трудно. Реальныя училища обращены въ гимназій, „Москов. Вѣдомости“ этого не отрицаютъ, не отрицаютъ онѣ и того, что прусскіе реалисты не изучаютъ греческаго языка, что не имѣяеть имъ, однако, по новому закону поступать на естественный и медицинскій факультеты... Все это „Московскія Вѣдомости“ признаютъ, но, „принимая во вниманіе“, что въ программѣ реальныхъ гимназій прибавлено нѣсколько лекцій по латинскому языку, объявляютъ, будто Пруссія сдѣлала первый шагъ къ обращенію реальныхъ гимназій въ классическія. „Голосъ“ съ этимъ, разумеется, не соглашается, и за то играетъ роль какого-то „страстотерпца“, обреченнаго выслушивать кривіе слова, чуть не площадную ругань московскихъ „Помоевъ“.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Разсудительные люди должны согласиться, что дума наша въ своихъ рѣшеніяхъ весьма послѣдовательна: домъ разломали, водопроводъ не приняли, конку провалили; подождемъ немного, авось, мосты разрушатся—все будетъ подъ одну линію. Краснорѣчивѣйшіе наши ораторы, своими рѣчами наполняющіе всѣ думскія засѣданія, и мудрые политики, беззвучно пенчущіе при подачѣ голосовъ—„отказать, провалить“, соединились и провалили конку. Такое рѣшеніе граждане города Харькова должны были предвидѣть—ибо какъ же не провалить полезное предпріятіе, никакихъ затратъ со стороны города не требующее, да къ тому же приносящее даровый желѣзныи мостъ. Не лучше ли въ самомъ дѣлѣ обложить усиленнымъ налогомъ домовладѣльцевъ и на свой счетъ выстроить, вмѣсто желѣзнаго моста, драный деревянный? Все это послѣдовательно, и мы видимъ ошибку со стороны нашихъ политиковъ лишь въ томъ, что

было прочитано заявленіе 72-хъ домовладѣльцевъ, весьма категорично заявляющихъ свое сочувствіе конкѣ и удивляющихся трехъ-годовичному затягиванію этого дѣла. „При постройкѣ дороги, заявляютъ 72, послѣдуетъ приливъ капиталовъ, цѣнность недвижимыхъ имуществъ возрастетъ и домовладѣльцы получатъ возможность современно улучшить городскіе наложіи“. По нашему мнѣнію, заявленіе это слѣдовало—подъ сукно, и ораторы наши были правы, возражая противъ его прочтенія. Въ самомъ дѣлѣ: дума, желая выслушать мнѣнія гражданъ города, устроила чуть не всеобщую подачу голосовъ, получила заявленіе 72-хъ домовладѣльцевъ и жителей, весьма опредѣленно и ясно выражающихъ свое сочувствіе конкѣ и желаніе, чтобы предпріятіе осуществилось, выслушала это заявленіе и, вслѣдъ за тѣмъ, конку провалила. Все это похоже на насмѣшку, значеніе которой еще болѣе усилится, если дума въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій возвыситъ налоги на домовладѣльцевъ въ размѣрѣ 20-ти или 25-ти процентовъ.

Какое же заключеніе могутъ сдѣлать 72 лица, подписавшія заявленіе, когда вмѣсто конки, о которой онѣ проситъ, дума предложитъ имъ окладные листы съ увеличеннымъ налогомъ, что едва ли послужитъ пріятною замѣной. Намъ кажется, что выводъ можетъ быть слѣдующій: при отрицательномъ направленіи нѣкоторыхъ гласныхъ въ отсутствіи оныхъ руководящихъ лицъ, около котораго могло бы группироваться большинство,—четырехъ-лѣтній періодъ „служения народнымъ интересамъ“ можетъ показаться слишкомъ продолжительнымъ. Домовладѣльцы.

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Сегодня, 25-го апрѣля, малороссійская труппа, игравшая послѣднія дѣи недѣлю въ драматическомъ театрѣ подъ управленіемъ А. Б. Пальчинскаго, прочтается съ харьковской публикой, на радужный пріемъ которой ей, кажется, нѣтъ причинъ жаловаться. Правду сказать, успѣхъ, которымъ пользовались артисты, вполне ими заслуженъ, такъ какъ многія малорусскія пьесы, чисто бытового характера, шли съ рѣдкимъ ансамблемъ и одушевленіемъ. Увѣзавшіе артисты выступаютъ въ послѣдній разъ въ духѣ пьесакъ, самыхъ популярныхъ и любимыхъ малорусскихъ авторовъ: Кивки-Основыненко и Котляревскаго. Въ утренній, общедоступный спектакль идетъ „Шельменко-денщикъ“, а въ вечерній популярная и задушевная малорусская опера „Наталка-Полтавка“. Спектакль закончится дивертисментомъ, въ которомъ, между прочимъ, выступитъ и г. Кропичникъ, мастерское чтеніе котораго публики наша не разъ имѣла случай оценить и раиѣе.

Въ ночь на 24-е апрѣля, на Греховской ул., въ д. Денисова, идіотъ

лѣтъ 20-ти зарѣзалъ свою бабу, слѣдующую 80-лѣтнюю старуху, Анну Медовую, и затѣмъ подожгъ кладовую, прилегающую къ кухнѣ, гдѣ было совершенно убійство. Пожаръ былъ потушенъ домашними мѣрами. Убійца немедленно бросился бѣжать и неизвестно куда скрылся.

Испытанія въ реальномъ училищѣ начнутся 3-го мая и продолжаться до 15-го іюня, когда воспитанники будутъ совершенно освобождены. Другія же учебныя заведенія представили свои распрѣдѣленія на утвержденіе попечителя учебнаго округа.

Вчера, въ окружномъ судѣ, случилось дѣло по обвиненію титулярнаго совѣтника В. Залусскаго въ совершеніи имъ по должности бухгалтера харьковскаго управленія государственными имуществами 24-хъ подлоговъ и 2-хъ растратъ на сумму свыше 4,000 руб. Залусскій поступилъ на службу въ управленіе въ 1871 году и совершилъ эти преступленія въ теченіи 1871—73 гг. Затѣмъ, Залусскій бѣжалъ въ Тифлисъ, гдѣ подъ чужимъ именемъ поступилъ на службу въ помощники секретаря окружнаго суда, откуда явился въ Харьковъ. Изъ вызванныхъ пяти свидѣтелей, въ числѣ которыхъ былъ и управляющій палатою государственныхъ имуществъ, г. Лоранъ—двое не явились. Признавая себя виновнымъ, по нѣкоторымъ пунктамъ обвиненія, Залусскій просилъ оправдать его въ виду того, что онъ явился съ повинной. Присяжнымъ было поставлено 27 вопросовъ, на которые они и отвѣтили отрицательно. Судъ оправдалъ Залусскаго.

Многіе изъ мѣстныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ отправляютъ свои издѣлія и произведенія на московскую выставку. Нѣкоторыя изъ выставочныхъ вещей уже доставлены въ зданіе выставки съ витринами, изготовленными также въ Харьковѣ.

чается планъ занятій коммисіи статъ-секретаря Коханова. Сущность этого плана была передана газетамъ вѣрно. — Изданы болѣе строгія узаконенія противъ лѣсныхъ порубокъ.

„Новаго Времени“. Берлинъ, 21-го апрѣля (3-го мая). Сегодня повѣсился въ тюрьмѣ одинъ русскій студентъ, находившійся въ предварительномъ заключеніи по подозрѣнію въ участіи въ политическомъ преступленіи.

Бухарестъ, 21-го апрѣля (3-го мая). Англія и Франція заявили румынскому правительству, что въ случаѣ отказа его принять посредническія предложенія относительно сулоховства по Дунаю, дальнѣйшее существованіе дунайской коммисіи представляется бесполезнымъ.

„Голоса“. Лондонъ, 21-го апрѣля (3-го мая). Имѣются въ виду дальнѣйшія, широкаго реформы въ Ирландіи. Загтра Гладстонъ изложитъ будущую политическую программу правительства.

Вѣна, 21-го апрѣля (3-го мая). Многіе государственные люди Венгріи, отъ которыхъ старались узнать, примутъ ли они портфель имперскаго министра финансовъ, отказались отъ этой должности. Пріемникомъ Слова называютъ графа Коронни.

„Московскихъ Вѣдомостей“. Лондонъ, 22-го апрѣля (4-го мая). Утреннія газеты сообщаютъ, что Черберленъ принялъ постъ статъ-секретаря Ирландіи. Парнелль вчера прибылъ въ Дублинъ и уклонился отъ всякихъ публичныхъ демонстрацій.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Намъ пишутъ изъ Петербурга, что обычный майскій парадъ въ Петербургѣ состоится въ нынѣшнемъ году 7-го мая, въ присутствіи Его Императорскаго Величества.

Намъ пишутъ изъ Петербурга, что лозово-севастьяновская желѣзная дорога на дняхъ переходитъ въ казенное управленіе на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ поступила въ казну тамбово-саратовская желѣзная дорога.

Намъ пишутъ изъ Петербурга, что съ введеніемъ новаго положенія о малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, лицамъ, которымъ вѣрненъ будетъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ проектируемыхъ положеній, будетъ предоставлено право требовать, для большаго огражденія несовершеннолѣтнихъ рабочихъ отъ непосильнаго труда, освѣдѣствования черезъ врача тѣхъ изъ нихъ, которые по вѣшнему виду будутъ казаться слабыми и нездоровыми и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлять: можетъ ли быть такой рабочий допущенъ къ занятіямъ, а если онъ уже работаетъ, то можетъ ли быть ему дозволено дальнѣйшее продолженіе работъ.

— Братцы!—взмолился кто-то изъ центра не своимъ голосомъ.—Жиды—такъ жиды, да живыи... Силь не станутъ... Точно ужъ...

— Геть жиды! Къ чорту „гаманово ухо“!—оралъ Оедька.—Дѣвсти сорокъ рублей? Геть! Паль дѣвсти пѣтдѣсать дѣетъ или „толку“! Намъ „толку“ нужно!

— Чуете, братцы?—шутилъ одинъ изъ правыхъ. Оедькъ „толка“ нужна; у Оедьки „худоба“ завелась.

— Чи мало у него худобы? острить другой. И толка своя есть: ишь какіе у него паль на головъ; тамъ и „худоба“ его водится,—указалъ онъ на кудлатую голову Оедьки.

— Братцы!—поднимаясь съ мѣста, проговорилъ Кива зычнымъ голосомъ.—Вотъ цыцъ-те! Послушайте, панове, что я вамъ скажу. А скажу я вамъ щиро-правдивое слово. Не нужно намъ пана, да и не нужно и Янкеля. Послушайте меня, православные! Не нужно намъ шинка. Нехай ей бѣетъ той поганой горлякѣ! Мало еще развѣ народа перевелось отъ неа? Вотъ что вы на Оедьку посмотрите,—совѣсьмъ перевелся человѣкъ отъ чортоваго зелья, а былъ же настоящій „хлѣбоборъ“!...

— Чего на меня тыкаешь?—огрызнулся Оедька. Самъ будто лучше? Не великъ панъ...

— Не было у меня въ думкѣ охалъ тебѣ, Оедька: для примѣра только народу православному показалъ на тебя. Чуете, братцы? Закусимъ же намъ шинку. Не дадимъ его ни пану, ни жиду. Да еще поставимъ приговоръ, чтобъ никто не въ панскій, не въ поповскій пинюкъ не ходилъ. Братцы-громада! Не нужно намъ шинка! Одна толкоть напасть отъ него. Не велика корьсть отъ тѣхъ 200 или 300 руб., что получимъ мы за него: сами больше 500 перепеносимъ въ него. Не нужно намъ шинка! Не нужно!

— Какъ не нужно? Никакъ не можно безъ шинка!—единодушно загудѣлъ сходъ.

— Ты чаво тутъ за полъ отыскался!

прикривнулъ на Киву писарь изъ солдатъ.

— Цыцъ, писарь! не твоѣ дѣло. Мы тебѣ гроши платимъ, мы твои хозяева, такъ ты знай себѣ пиши, что велѣтъ, а не въ свое дѣло не совѣйся. Братцы-громада! Никогда не было добра отъ поганой горлякы. Ну се къ бѣсовому батькѣ! Не слушайте ни пана, ни жиды: не на доброе дѣло подбиваютъ они васъ...

— Ой, Семене! Не договорились ты до добра. Не бунтуй громада,—пригрозила Оедька, сверкая глазами и злобно искрививъ ротъ.

— Цыцъ, Оедька! Ты нечестноу душу свою за чарку продалъ, такъ хочешь еще за другую чарку громаду пану продать? Да не испугался я тебѣ! Нечего мнѣ тебя пугаться. Не бунтую я, а щирю-правду говорю. Братцы-громада! Панове! Довольно вамъ Оедька слушать. Стыдно! Развѣ-жъ таки видѣлъ ты гдѣ, чтобы одинъ пѣнцица да всю громаду дурилъ? Пусть старые люди скажутъ. Развѣ-жъ таки уже и канельки струмы и не осталосъ? Правду говорить про насъ, что у насъ за мѣсто Бога—чвертка, а за мѣсто совѣсти—чарка. Правду говорить—щирю правду... Люди добрые въ церковь идутъ Богу помолиться, а мы въ шинюкъ полземъ чверткѣ поклониться. У людей громада всякое свое дѣло по правдѣ да по совѣсти рѣшаютъ, а мы только и смотримъ, какъ бы такъ прѣшнить, чтобъ больше горлякы намъ досталось. Съ той думкой только и громаду собираемъ... Гдѣ громада?... Не стало громады!... Не такая громада была, какъ дѣды наши да батки живые были!... Не громада это!... Могаичъ пить пришли мы сюда, а не громадское дѣло рѣшать! Шинюкъ это, а не громада!...

Глаза Кивы сверкали; голосъ гремѣлъ... Въ хатѣ наступила мертвая тишина... Сходъ угрюмо молчалъ, подавшись, очевидно, впечатлѣнію только что произнесенной рѣчи. У многихъ изъ николаевцевъ головы опустились и лица покрылись яркой краской. Писарь ерзалъ на мѣстѣ и досадливо грызъ перо. Оедька куда-то исчезъ... Кива, обидѣя громаду полу-торжествующимъ полу-презрительнымъ взглядомъ, опустился на прежнее мѣсто и началъ о чомъ-то тихо переговариваться со своими единомышленниками. Къ нему робко подошелъ Янкель.

— Ой, Семенъ Оедоровичъ! Что это вы наговорили? Какъ же это можно безъ шинка? Ай-ай!—обратился онъ къ Кивѣ, укоризненно качая головой со взглядомъ собаки, на которую заманулся рука хозяина и съ выраженіемъ искуса на лицѣ. Отъ всей его невзрачной фигуры вѣяло чѣмъ-то пришибленнымъ, точно на него неожиданно обрушилась непосильная тяжесть и придавила къ землѣ.

— Можно и безъ шинка,—отвѣтилъ Кива. Знаю, сердешный, что тебѣ оно не съ руки, добре знаю, да что... Мнѣ самому тебѣ жалко. Человѣкъ ты хороший, да и привыкли мы къ тебѣ. Да вѣдь самъ знаешь, своя рубашка, хоть и худая, дырявая, а все-жъ оно того... И такъ уже много бѣды надѣлала поганая горляка.

Съ глубокимъ вздохомъ отомолъ Янкель отъ Кивы и началъ о чомъ-то ментаться съ Омои, который по ухажѣ Оедьки опять вынырнулъ изъ угла, въ который забился было раньше.

— Здравствуете, братцы!—поздоровался со сходомъ Николаевъ, войдя въ расправу въ сопровожденіи запыхавшагося Оедьки и отца Иваня, въ который близъ стоявшихъ крестьяне подолжи подъ благословеніе.—А, Янкель, ты ужъ тутъ? Что-жъ, братцы, поладили съ жидомъ-то? А?

— Не будетъ у насъ шинка,—угрюмо проговорилъ Кива.

— Кто это? А, это ты, Семенъ? ушибулся Николаевъ. Какъ же это такъ—не будетъ? А? Я что-то, братцы, въ толкъ этого не возмю.

— Онь, ваша милость, народъ тутъ бунтуетъ,—раболопно донесъ Оедька, указывая на Киву.

— Смирись, Семенъ!—забасилъ от-

Иванъ. Горлякы тебѣ обуяла. Смирѣние паче гордости. Будь крококтъ, аки агнець, на закланіе ведомый. Давно уже я въ тебѣ душь этого замѣчаю. Смирись, Семенъ! Не первый десятокъ лѣтъ на свѣтѣ живешь: долженъ уже знать, что „покирне тѣла двоухъ матокъ сосе“...

— Да обѣ за то и бодають,—прервалъ его Кива. Такъ лучше я уже ни одной сосать не буду. А смиряться мнѣ, батюшка, нечего: я и такъ смиренъ—не кусаюсь. Правду людямъ говорю, такъ оно, извѣстно, глаза колетъ...

— Да что вамъ, братцы, Семена слушать?—обратился Николаевъ къ сходу. Вѣдь у васъ, кажется, и свой разумъ есть. Или Семенъ тутъ старшій надъ нами? А? Не смѣйте вы противъ Семена идти, что-ли? Давно это вы въ малыхъ ребятъ обратились? А?

Въ толпѣ посыпалась глухой сдержанный ропотъ. На многихъ лицахъ выразилось недовольство.

— Пану!—глухо проговорилъ Кива, устремляя на Николаева сверкающіе глаза. Нѣтъ тутъ старшаго надъ нами. Громада вся ровная. Не мѣсто бы тутъ пану надъ громадою смѣяться... Громада сама себѣ панъ...

— Ну-ну, да и сердитый же ты, Семенъ—силится улыбаются Николаевъ, между тѣмъ какъ внутри его клочотала безыслыная злоба. Нечего, братцы, сердиться: пошутилъ я. А вотъ лучше про дѣло начнемъ. Что-жъ братцы? Жиль-то я съ вами сколько л

Намъ пишутъ изъ Петербурга, что по даннымъ, имѣющимся въ таможенномъ вѣдомствѣ, ввозъ къ намъ иностраннаго каменнаго угля производился въ прошломъ году чрезъ слѣдующія портовыя и сухопутныя таможи: петербургскую—46 миллионовъ пудовъ, вронштатскую—5.285,000, рижскую—9.562,000 п., либавскую—1.263,000 пуд., нешвигскую—1.072,000, основную—17.664,000 пуд., граничную—2.493,000 пудовъ, развильовскую—1.518,000 п., волочискую—2.405,000 пуд., одесскую 16.853,000 пуд. и севастопольскую—1.139,000 пудовъ. Изъ всего числа пудовъ ввезеннаго иностраннаго минеральнаго топлива было принято желѣзными дорогами до 34%, остальные 66% пошли на удовлетвореніе портовыхъ, домашнихъ и промышленныхъ надобностей приморскихъ городовъ.

Намъ пишутъ изъ Москвы, что московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ изданъ приказъ о томъ, чтобы, во время празднествъ по поводу предстоящей коронаціи, жители города Москвы, при устройствѣ иллюминаціи, не зажигали плошекъ съ керосиномъ, детонамъ и тому подобными легко воспламеняющимися веществами. Такая осторожность необходима въ виду того, что раньше въ Москвѣ неоднократно были случаи пожаровъ отъ разливагося керосина.

Намъ пишутъ изъ Петербурга, что извѣстный профессоръ Энгельгардъ получилъ золотую медаль отъ парижскаго сѣльско-хозяйственнаго общества за искусство веденія своего обширнаго хозяйства, которому, онъ главнымъ образомъ, посвятилъ себя во время проживания въ сѣлѣ.

Намъ пишутъ изъ Петербурга, что для предупрежденія розничной продажи листового табаку съ плантацій, предлагается опредѣлить, чтобы вывозъ оттуда табаку разрѣшался не иначе, какъ упавшимъ въ цѣльбыя помѣщенія и чтобы въ послѣднихъ не было менѣе одного пуда. Что же касается до плантацій, на которыхъ производится табакъ менѣе одного пуда и для которыхъ такая норма будетъ слишкомъ высока, то такая плантація будетъ считаться не торговлею, а производящими табакъ для собственнаго употребленія его развѣдателя, причѣмъ, конечно, онъ не будетъ подпадать никакому ограниченію до тѣхъ поръ, пока табакъ потребляется въ сыромъ видѣ, или же если въ красномъ, то не иначе, какъ при помощи простаго ножа, безъ какихъ бы то ни было механическихъ приспособленій или снарядовъ, служащихъ признаками фабричной переработки.

— „Моск. Вѣд.“ сообщаютъ, что 21-го апрѣля болгарскій князь Александръ былъ приглашенъ Ихъ Императорскими Величествами въ Гатчину. 22-го апрѣля онъ переехалъ изъ гостиницы Демуть въ Зимній Дворецъ.

— „Русск. Вѣд.“ пишутъ изъ Петербурга, что пріѣздъ князя Александра объясняется въ свѣдущихъ кружкахъ столицы тѣмъ положеніемъ, которое должна занять Болгарія по отношенію къ Австріи, со времени присоединенія къ послѣдней Босніи и Герцеговинѣ.

— „Новости“ слышали, что отъ петербургскихъ старообрядцевъ на предстоящее коронованіе Ихъ Величествъ будетъ отправлена депутація для принесенія Ихъ Величествамъ поздравленія.

— Правительственное сообщеніе. Въ министерство внутреннихъ дѣлъ поступили свѣдѣнія о двухъ случаяхъ нападенія христіанъ на евреевъ, причѣмъ въ обоихъ случаяхъ безпорядки были прекращены въ самомъ началѣ полиціей, при содѣйствіи военныхъ командъ, безъ употребленія, впрочемъ, оружія, а именно: вечеромъ 18-го апрѣля, въ городѣ Гомбинѣ, гостинскаго уѣзда, варшавской губерніи, разбѣжаны питейное заведеніе и дѣла лавки, принадлежащія евреямъ, кромѣ того, въ нѣсколькихъ еврейскихъ домахъ разбиты стекла. При происшедшей по этому поводу драмѣ ранены четыре еврея и два христіанна. Въ слѣдующую ночь, въ Екатеринбургѣ, желѣзнодорожные рабочіе разбили три еврейскія питейныя заведенія и лавочку. Изъ доносеній мѣстныхъ властей усматривается, что какъ въ Екатеринославѣ, такъ равно и въ Гомбинѣ виновные въ нарушеніи порядка задержаны; число арестованныхъ въ послѣдней изъ указанныхъ мѣстностей 16 человѣкъ.

— „Русск. Вѣд.“ пишутъ изъ Петербурга, что министерство юстиціи одобрило принятіемъ мѣръ къ огражденію правосудія отъ искаженія истины фиктивными свидѣтельскими показаніями.

— „Русск. Кур.“ сообщаютъ, что дѣла упраздненной комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ переданы въ особую комиссію по пересмотру мѣстныхъ учрежденій, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Коханова, и что въ настоящее время приступлено къ извлеченію изъ нихъ не-

обходимыхъ свѣдѣній. Въ связи съ этимъ, передаютъ, что далеко еще не вся масса матеріала, подлежащая разсмотрѣнію комиссіи, поступила въ ея вѣдѣніе, а что касается заключеній земствъ и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ по вопросу о крестьянскихъ учрежденіяхъ, то такіа заключенія доставлены лишь въ крайне незначительномъ числѣ и, какъ полагаютъ, будутъ получены окончательно отовсюду не раньше мая мѣсяца.

— „Русск. Вѣд.“ пишутъ изъ Петербурга, что нѣсколько капиталистовъ сдѣлали правительству предложеніе организовать громадный капиталъ, для организаціи крестьянскаго кредита, съ условіемъ, чтобы капиталъ ихъ былъ гарантированъ 5-ю процентами. Нѣсколько извѣстно, этимъ радѣтелямъ о крестьянствѣ дано понять, что дальнѣйшіе переговоры на этой почвѣ немислимы.

— Въ виду поступающихъ въ настоящее время въ свѣтлѣніи снѣдъ заявленій отъ нѣкоторыхъ нашихъ частныхъ епархіальнъ о усиленіи въ нихъ распространенія секты шугиновъ, преобладающей надъ прочими сектами—снѣдъ занять вопросомъ о прегражденіи этой сектѣ возможности развитія на югѣ.

— Посылка нынѣшнимъ лѣтомъ нашихъ военныхъ судовъ въ восточныя воды сдѣлана въ виду предстоящей войны Китая съ Японіей изъ-за острововъ Лию-Киу, чтобы, на случай сильнаго разгара этой войны, предохранить на востокъ наши интересы, могущіе быть нарушены означенными державами.

— „Моск. Вѣд.“ передаютъ: въ виду возбужденнаго въ военномъ министерствѣ вопроса о предоставленіи казакамъ холоднаго и огнестрѣльнаго оружія, нужнаго для нашей арміи, исключительно отечественнымъ заводамъ, въ особенности же заводамъ тульскимъ, признано необходимымъ нѣтъ же снабдить эти заводы слѣдующими мастерами и техниками для обученія мѣстныхъ мастеровъ выдѣлкѣ оружія по нѣмѣцкимъ образцамъ. Въмѣстѣ съ симъ военнымъ агентамъ заграничій поставленъ въ обязанность образцы всѣхъ новѣйшихъ родовъ холоднаго и огнестрѣльнаго оружія высматривать въ Россію, для того, чтобы, въ случаѣ ихъ пригодности, по намъ изготовлялось оружіе такого же вида на нашихъ заводахъ, какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ.

— „Голосъ“ пишутъ изъ Козлова, тамбов. губ., что въ настоящее время по всему уѣзду идетъ дѣятельная подготовка крестьянъ къ будущему переселенію въ Томскъ. Въ нынѣшнемъ году переселенческое движеніе ожидается гораздо колоссальнѣе, чѣмъ было въ прошломъ году. Причина этому—крайне безвыходное положеніе и общее прогрессивное разореніе поселянъ.

— По словамъ „Rigische Zeitung“, въ транспортѣ ссыльных, отправившихся изъ Петербурга въ Москву, на вербной недѣлѣ, съ тѣмъ, чтобы при открытіи навигаціи слѣдовать въ Сибирь, находилась Гесса Гельфманъ. Она была привезена на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, отдѣльно отъ своихъ спутниковъ по ссылкѣ, подъ конвоемъ жандармовъ, въ особой арестантской каретѣ. Это возбуждало вниманіе служащихъ на дорогахъ, которые, путемъ разспросовъ, узнали имя преступницы. Ребенокъ Гессы Гельфманъ умеръ.

— „Русск. Вѣд.“ сообщаютъ, что тѣло умершаго извѣстнаго зоолога К. А. Тона—строителя храма Спасителя, перенесено въ Москву и погребено въ храмѣ Христа Спасителя.

— Предстоящимъ лѣтомъ, какъ сообщаютъ „Новости“, долженъ посѣтить Россію, съ цѣлью археологическихъ изслѣдованій, французскій археологъ Дешанно, уже нѣсколько лѣтъ занимающийся изученіемъ памятниковъ первыхъ временъ христіанства, о которыхъ имъ составлено еще неизданное, весьма интересное сочиненіе. Дешанно еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ влияніемъ своихъ археологическихъ изысканій, принялъ православіе.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Симферополь (корреспонд. „Южнаго Края“). 6-го декабря 1886 года былъ изданъ законъ о порядкѣ устройства исправительныхъ пріютовъ. Закономъ этимъ земство, духовенство, общества и частныя лица приглашаются учреждать пріюты, въ которые могли бы быть помѣщаемы малолѣтніе преступники взаимно тюремнаго заключенія. При этомъ опредѣлено, что для земледѣльческихъ колоній малолѣтнихъ преступниковъ отводится свободная казенная земля и что изъ суммъ тюремныхъ комитетовъ уплачивается стоимость содержанія воспитанниковъ пріюта въ размѣрѣ расхода, производимаго на одежду и пищу арестантовъ въ тюрьмѣ. Этотъ законъ предоставилъ возможность многимъ городамъ Россіи, не только губерскимъ, но и нѣкоторымъ изъ уѣздныхъ, сдѣлать доброе дѣло—

образовать „общества пріютовъ“ и „колонию для малолѣтнихъ преступниковъ“. Лѣтъ десять тому назадъ и въ средѣ симферопольцевъ возникла мысль объ устройствѣ въ нашемъ городѣ „общества пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ“, но до послѣдняго времени дѣло какъ-то не ладилось. Теперь же надо полагать, оно принимаетъ другой, болѣе благоприятный оборотъ. Недавно 56 лицъ, состоящихъ изъ представителей судебнаго вѣдомства, адвокатуры, земства, города и т. д. собрались въ зданіи окружнаго суда и выработали проектъ устава „общества“, уже представленный на утвержденіе г. министра внутреннихъ дѣлъ. Цѣль „общества“ состоитъ въ устройствѣ, въ предѣлахъ округа симферопольскаго окружнаго суда, пріютовъ, въ которые будутъ помѣщаемы молодые преступники, взаимно тюремнаго заключенія. Такимъ образомъ, малолѣтніе преступники будутъ, прежде всего, освобождены отъ развращающаго влияния тюремной среды и праздности и, затѣмъ, если воспитаніе будетъ поставлено правильно, приобретутъ навыки и любовь къ труду—главнѣйшія гарантіи, что дальнѣйшая жизнь ихъ на свободѣ будетъ честна. Пріюты, по проекту, будутъ управляться правленіемъ „общества“, избираемымъ общимъ собраніемъ членовъ послѣдьяго. Этому правленію предоставляются всѣ средства для исправленія воспитанниковъ; а въ силу закона 6 декабря 1886 года оно будетъ имѣть право сокращать опредѣленный судомъ срокъ заключенія для исправившихся преступниковъ и возвращать ихъ семьѣ и обществу.

Средства „общества“ будутъ пока составляться изъ членскихъ взносов, кружечнаго сбора, отъ спектаклей и концертовъ любителей, и случайныхъ пожертвованій. Самымъ крупнымъ жертвователемъ является пока мѣстное юберское земство, рѣшившее, на послѣднемъ своемъ собраніи, выдавать на этотъ предметъ ежегодно по 1,000 р. Средства „общества“ пока незначительны, и далеко еще недостаточны для устройства пріюта и обезпеченія его дальнѣйшаго содержанія. Но это, ни въ какомъ случаѣ, не послужитъ причиною, чтобы дѣло было отложено на продолжительный срокъ или совсѣмъ не состоялось. Мѣстное общество относится къ учрежденію пріюта вполне сочувственно; вообще исторія возникновенія подобныхъ пріютовъ въ другихъ мѣстахъ Россіи говоритъ, что это стоить серьезной общественной важности дѣло всюду вызвало сочувствіе и теплое отношеніе къ нему мѣстнаго общества, выразившееся въ пожертвованіяхъ, какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и со стороны мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Поэтому, нѣтъ основанія предполагать, что мѣстное общество, вообще сочувственно отзывавшееся на добрыя дѣла, отнесется равнодушно къ учрежденію пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ, близко соприкасающагося, по задачѣ своей, съ вопросомъ, о народной нравственности. Что учрежденіе такого пріюта составляетъ для нашей мѣстности насущную потребность—видно уже изъ того, что ежегодно мировыми судебными установленіями таверскаго губерніи осуждается около 100 несовершеннолѣтнихъ (отъ 10—17 лѣтъ) на заключеніе въ тюрьму. Толкать ихъ сюда слишкомъ опасно, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не средство—возстановлять нравственность молодого поколѣнія.

Дождя у насъ, по прежнему, нѣтъ и нѣтъ. Зелени на поляхъ крайне мало—выходы рѣдки и безжизненны. Зерно, лишенное влаги, не только не даетъ ростковъ, но и портится. Если еще нѣсколько времени будетъ продолжаться такая же погода, то урожая нечего и ждать. Кое-гдѣ поля засѣваются уже во второй разъ.

Намъ пишутъ изъ Кременчуга, что пожары за послѣднее время сдѣлались обыкновеннымъ явленіемъ въ городѣ: не проходитъ дня, безъ того, чтобы гдѣ-нибудь не горѣло. 17-го апрѣля пламя вспыхнуло въ еврейскомъ училищѣ на Вокзальной улицѣ; но, при тихой погодѣ, стараниями пожарной команды удалось скоро потушить огонь и не допустить его до распространенія.

Воспитанницы мѣстной женской гимназіи получили на дняхъ отъ своей начальницы запрещеніе гулять во время классныхъ переѣмъ въ скверѣ, расположенномъ предъ окнами гимназіи. Это распоряженіе мотивировано тѣмъ, что гимназистки во время прогулокъ встрѣчаются здѣсь съ учениками реальнаго училища. Но вызвано ли оно какою-либо дѣйствительною необходимостью или же составляетъ лишь безпричинную фантазію начальницы—неизвѣстно.

Намъ пишутъ изъ Чернигова, что преосвященный Серапіонъ, архіепископъ черниговскій и нѣжинскій, выѣхалъ изъ Чернигова къ мѣсту своего новаго назначенія, въ городъ Архангельскъ. Архипастырь прожилъ въ Чер-

ниговѣ около 20 лѣтъ, сперва въ санѣ викарія, а впоследствии въ санѣ епархіальнаго архіерея. Въ Черниговѣ открыты большія злоупотребленія на вѣдомствѣхъ заводовъ евреевъ Туровскаго и Фейгина. Туровскій уже посаженъ въ тюрьму.

Кіевъ.—„Голосъ“ сообщаютъ, что на прошлой недѣлѣ выселено изъ Кіева 1,500 еврейскихъ семействъ. Многие евреи эмигрируютъ въ Америку. „Заря“ передаетъ: 20-го апрѣля, въ 9 час. вечера, въ пещерскомъ участкѣ Кіева случилось двойное самоубійство посредствомъ отравленія. Происшествіе носитъ вполне романтическій характеръ. Кіевскій мѣщанинъ Иванъ Фокинъ былъ страстно влюбленъ въ двоюродную сестру мѣщанина Парасковью Фокину, которая отвѣчала ему взаимностью. Ему было 22 года, ей—20 лѣтъ. Они мечтали о совместной брачной жизни, но, увы! явилось неодолимое препятствіе—между такими близкими родственниками по крови бракъ воспрещается религіей. Испробовавъ всѣ средства и убѣдившись, что никакой надежды нѣтъ, влюбленная пара предпочла умереть, чѣмъ отречь себя на развѣльную жизнь. Съ этой цѣлью онъ, нарядившись въ чорную пару, какъ женихъ явился къ ней въ квартиру родственника Рѣзнова, живущаго на углу Арсеневскаго пер. и Нѣмецкой улицы въ собственномъ домѣ. Тамъ они заперлись въ одной комнатѣ, одновременно выпили ядъ и умерли держа другъ друга въ объятіяхъ. Въ такомъ видѣ ихъ нашли на полу комнаты, но уже было поздно. Въмѣсто воодушевленной страстной любовной пары юныхъ существъ лежали два холодныхъ трупа, на столѣ найдены двѣ рюмки съ остатками еще неизслѣдованной красаватой жидкости съ кристаллическимъ кирпичнаго цвѣта осадкомъ, тутъ же лежали какъ бы нарочно приготовленные документы самоубійцы и прошеніе на имя кіевскаго митрополита о разрѣшеніи вступить въ законный бракъ за подписью самоубійцы, которые не упустили даже приложить къ прошенію установленную гербовую марку.

Таганрогъ.—По свѣдѣніямъ „Од. Вѣст.“, судебный свѣдѣніемъ по особому важному дѣлу, производящій слѣдствіе по дѣлу о таганрогскихъ злоупотребленіяхъ, вошелъ въ оружаную судъ съ ходатайствомъ относительно наложенія ареста на имущество обвиняемыхъ для обезпеченія исковъ казны. Размѣръ наложеннаго на имущество ареста: 500 тысячъ рублей для Вальвано, 300 тыс. руб. для Муссуріи, для остальныхъ—болѣе или менѣе значительныя суммы. Нѣкоторые обвиняемые вошли съ ходатайствомъ въ одесскую судебную палату объ уменьшеніи размѣра наложеннаго ареста. Вальвано не поддалъ жалобѣ, потому что пропустилъ срокъ, установленный закономъ. Какъ передаетъ „Одесск. Листку“, предварительное слѣдствіе по этому дѣлу будетъ тянуться еще болѣе 6-ти мѣсяцевъ.

Николаевъ.—„Голосъ“ пишутъ: 17-го апрѣля, выѣхало изъ Николаева въ Палестину нѣсколько делегатовъ, представителей Николаевскаго, Вознесенскаго и Обричскаго еврейскихъ обществъ, порѣшившихъ эмигрировать изъ Россіи, для закупки тамъ земель на общественный счетъ. Многие евреи торопятся продавать свои недвижимыя имущества, цѣнность которыхъ въ странномъ упадкѣ. Въ городѣ то и дѣло носится тревожные слухи о предстоящихъ анти-еврейскихъ безпорядкахъ. Среди евреевъ паника. Впрочемъ, говорятъ, здѣсь приняти, на всякій случай, вполне надежныя мѣры.

Керчь.—„Од. Вѣст.“ сообщаютъ: по городу были расклеены объявленія, гласившія, что въ ночь на 8-е апрѣля начнется избиеніе керченскихъ евреевъ. Нечего говорить, какой переполохъ произвели эти объявленія! Нѣкоторые изъ зажиточныхъ евреевъ наняли себѣ на ночь десятки солдатъ, но ничего особеннаго не произошло до настоящаго времени.

Одесса.—По словамъ „Од. Лист.“, въ настоящее время на размѣстѣ одесской судебной палаты поступаютъ уже дѣла о бывшихъ анти-еврейскихъ безпорядкахъ въ Балтѣ, а также о уѣздахъ и другихъ мѣстностяхъ округа одесской палаты.

Поправка. Въ № 453 „Южнаго Края“ въ корреспонденціи изъ Лубенъ на 2-й страницѣ въ 6-мъ столбцѣ должно: „размѣра шести классовъ, которая съ начала настоящаго учебнаго года стала существовать“, *слѣдуетъ читать:* „которая съ начала настоящаго учебнаго года стала существовать въ размѣрѣ шести классовъ“.

ВНѢШНЯЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Женева (корреспонденція „Южнаго Края“). Недавно двѣ тому назадъ здѣсь появился въ печати одинъ любопытный документъ,—официальный отчетъ о со-

стояніи народнаго образованія въ Женевѣ за истекшій 1881 годъ. Предполагая въ ближайшемъ будущемъ подробнѣе поговорить съ читателями „Южнаго Края“ о швейцарской школѣ, я ограничусь теперь только слѣдующими выдержками изъ упомянутаго отчета. По переписи прошлаго года, дѣтей, въ возрастѣ отъ 6 до 13 лѣтъ, по закону обязанныхъ проходить элементарную школу, въ Женевѣ, вмѣстѣ съ сельскими общинами, насчитывалось 10,600 чел. Изъ этого числа только 312 дѣтей обоюдо пола не посѣщали никакой школы. Такимъ образомъ оказывается, что почти 98% всего дѣтскаго населенія получаетъ первоначальное образованіе и только около 2%, по тѣмъ или другимъ, въ большинствѣ случаевъ уважительнымъ, причинамъ, не пользуется имъ. Какая разница съ нашимъ отечествомъ, въ которомъ отношеніе учащихся къ неучащимся, и зачастую немѣющимся возможности учиться, представляется чуть не въ обратномъ видѣ! Общее же число всѣхъ учащихся въ Женевѣ, имѣющей около 60,000 жителей, опредѣляется цифрою въ 14,900 человѣкъ; другими словами, одинъ учащійся приходится здѣсь на четыре челоѣка всего состава населенія. Распредѣляются же они по учебнымъ заведеніямъ слѣдующимъ образомъ: въ низшихъ школахъ—11,397 человѣкъ, въ среднихъ (высшія женскія школы, коммерческая и техническая школы, гимназія, три коллежа) 3,192 ч. и въ университетѣ—411 ч.

Кстати о швейцарскомъ университетѣ и студентахъ. Едва ли можно себѣ представить болѣе рѣзкую разницу, чѣмъ та, которая существуетъ между здѣшнимъ университетомъ, съ одной стороны, и русскимъ, съ другой. Наша университетская молодежь, какъ извѣстно, состоитъ почти исключительно изъ представителей наиболее нуждающихся, наименѣе обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи слоевъ средняго класса населенія; между тѣмъ здѣсь, въ Швейцаріи, гдѣ первоначальное образованіе является обязательнымъ, бесплатнымъ, а слѣдовательно, и вполне общедоступнымъ, но гдѣ за то для прохожденія высшихъ курсовъ и для полученія университетскаго диплома нужны деньги и притомъ деньги, сравнительно весьма большія,—здѣсь, говорю я, университеты и вообще всѣ высшія школы наполняются почти исключительно изъ сыновей обезпеченной буржуазіи. Благодаря этому обстоятельству, и умственная физіономія студенчества здѣсь совсѣмъ не та, что у насъ. Пылкое, увлекающееся и въ высшей степени отзывчивое населеніе нашихъ университетовъ занято преимущественно высшими интересами, живетъ крайне напущенно и тревожно умственной жизнью, и можетъ служить характернымъ выраженіемъ нашего очень молодого, почти совсѣмъ еще не жившаго, но страшно порывающагося къ жизни общества. Въ былое время и здѣшня учащаяся молодежь проявляла большую живость;—то была пора, когда буржуазія переживала борьбу за свои политическія права, отстаивала свои классовые интересы. Но пора эта давно миновала. Теперь здѣшній буржуа меньше всего борется за какую бы то ни было идею. Каковъ онъ самъ, таковы и его дѣти.

Но неужели,—спроситъ, можетъ быть, читатель,—швейцарскіе студенты такъ таки ничѣмъ и не проявляютъ себя, и не обращаютъ на себя общественнаго вниманія?... О, нѣтъ,—и проявляютъ, и обращаютъ, но только дѣлаютъ это довольно своеобразнымъ, по нашимъ понятіямъ, способомъ. Вотъ, напр., одна изъ свѣженыхъ университетскихъ „исторій“. Недавно двѣ тому назадъ, цюрихская префектура сочла необходимымъ напомнить студентамъ мѣстнаго университета, что полосовать другъ друга физіономіи рапирами воспрещается такой-то статьей карательнаго кодекса. Студенты, конечно, не обратили на это напоминаніе никакого вниманія и по прежнему доблестно дрались на дуэляхъ. Наибольшій усердіемъ на этомъ славномъ прищѣ отличались члены трехъ корпорацій—Figurina, Helvetica—красная и Helvetica—зеленая,—которые и были распущены префектомъ. Университетъ заволаговался... Какъ!.. Нельзя драгаться?... Это возмутительно!.. Это посягательство на свободу, на неотъемлемыя права студенчества!.. Надо протестовать противъ ужаснаго насилія, надо отстаивать священныя prerogative студентескихъ корпорацій!.. Собираются многочисленные сходки, происходятъ шумные дебаты... Въ концѣ концовъ, то челоѣкъ студентовъ принимаетъ рѣшеніе, въ видѣ протеста, оставить университетъ. Любопытно будетъ узнать, приведется ли принятое рѣшеніе въ исполненіе...

Замѣтимъ здѣсь, кстати, что не такъ давно въ томъ же самомъ Цюрихѣ уже былъ разъ подобный „исходъ“ студен-товъ... По такому же поводу воспитанники политической школы массово бросили лекціи и... удалились въ Рапперсвилль. Вымѣтайся въ эту потѣшную демонстрацію та или другая власть,—

и тогда, при возбужденномъ состояніи демонстрировавшей молодежи, дѣло, по всей вѣроятности, приняло бы печальный оборотъ, безпорядки разрослись бы, произошли бы присворенныя столкновенія съ не менѣе присворенными послѣдствіями. Къ счастью, цюрихская администрація,—прекрасно сознавая, что слишкомъ усердное вмѣшательство власти въ личную жизнь гражданъ можетъ породить только смуту и волненія,—предоставила „протестантамъ“ полную свободу дѣйствія и преспокойно себя ждала, что изъ всего этого выйдетъ. А вышло то, что студенты, ни откуда не встрѣтившіе себѣ никакого противодѣйствія, и соскучившіеся безъ толку сидѣть въ Рапперсвиллѣ, мало по малу успокоились, оумалились, и, наконецъ, мирно вернулись въ покинутый ими политехникумъ. Тѣмъ „исторія“ и кончилась, ко всеобщему удовольствію... Есть всѣ основанія думать, что и нынѣшняя „исторія“ въ цюрихскомъ университетѣ завершится подобнымъ же образомъ.

Предсѣдателя въ одномъ мѣстѣ, студенческа дѣла въ широкихъ размѣрахъ практикуются въ другихъ. Такъ, недавно, въ теченіи одной только недѣли, въ окрестностяхъ Женевы произошло, съточемъ, двѣнадцать поединковъ. На дняхъ въ Шеневѣ, близъ Берна, студенты университета,—базельцы и бернцы, принадлежащіе къ одной и той же корпораціи, Helvetia,—устроили между собою настоящую баталию на рапирахъ; въ лицѣ ихъ Бернъ воевалъ съ Базелемъ, представители котораго, послѣ учиненнаго имъ бернцами обильнаго кровопусканія, должны были признаться себя разбитыми на голову.

По поводу этой, надѣлавшей очень много шума, баталии одна бернская газета восклицаетъ: „неужели студенческа дѣла, формально запрещенныя уже въ Цюрихѣ, не обратятъ, наконецъ, на себя должнаго вниманія и будутъ терпимы въ Бернѣ!“ Весьма возможно и даже вѣроятно,—замѣтимъ мы отъ себя,—что и Бернъ, подобно Цюриху, запретитъ эти безобразныя драки и побоища, позорящія храмъ науки; но будетъ ли какой-нибудь толкъ отъ такого запрещенія,—это стоитъ еще подъ большимъ сомнѣніемъ. Практика дуэлей вошла здѣсь въ плоть и кровь студенчества; дуэль представляется однимъ изъ краеугольныхъ камней студенческаго общенія.

Что же касается до голыхъ запрещеній и даже каръ, то онѣ, конечно, пользы не принесутъ, какъ никогда и нигдѣ не приносили ее и въ другихъ случаяхъ. Относительно дуэлей, Швейцарія не мѣшала бы тѣмъ въ виду поучительный опытъ сосѣдей своей, Франціи. Ужъ въ этой ли странѣ дуэли не преслѣдовались и не карались!.. При Карлѣ IX, наприимѣръ, за участіе въ поединкахъ наказывали смертью, но число дуэлистовъ, не смотря на это, росло въ ужасающей прогрессіи... Въ царствованіе Генриха IV на „полѣ чести“ пало болѣе восьми тысячъ представителей благороднаго французскаго дворянства, а для сохраненія жизни уцѣлѣвшимъ отъ дракъ Генрихъ долженъ былъ подписать болѣе семи тысячъ помилованій!.. При Людовикѣ XIII за дуэли безпощадно обезглавливали, но это ни мало никого не устрашало: дрались среди бѣлаго дня на самой Королевской площади, дрались кардиналы (Ретцъ), дрались женщины, придворныя дамы!.. Людовикъ XIV, при самомъ вступленіи своемъ на престолъ, издалъ эдиктъ, воспрещающій дуэли подъ страхомъ жестокихъ наказаній; но какъ мало эдиктъ этотъ имѣлъ значенія, это прекрасно видно изъ того, что въ промежутокъ времени между 1643 и 1711 годами его оказалось необходимымъ повторить одиннадцать разъ!..

Въ виду такихъ краснорѣчивыхъ фактовъ едва ли можно усомниться въ томъ, что запрещеніе дуэлей въ Швейцаріи не уменьшитъ числа изборожденныхъ шрамами студенческаго физіономій!..

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Временное отдѣленіе виленаго военнаго окружнаго суда въ Ригѣ.

14-го и 15-го апрѣля, прибывше въ Ригу отдѣленіе виленаго военнаго окружнаго суда разсматривало дѣло подпоручика малоросскаго пѣхотнаго полка (29-й дивизіи) Айзума, обвиняющагося въ замышлѣніи составленія противуположнаго общества, враждебнаго вѣснымъ либонамъ вѣдкамъ. Въ малоросскаго полку, являющагося въ настоящее время въ Ригѣ, служатъ подпоручикъ Айзунъ, 26-ти лѣтъ отъ роду, отличившійся службой, любившій своими товарищами и на хорошемъ счету у начальства. Онъ латышъ родомъ и, подобно всѣмъ своимъ землякамъ, не очень-то дозволительно т. нѣмцевъ. Очень дальній родственникъ т. Айзума служитъ въ рижской полиціи, при квартирмейстерствѣ Стелльи, полнейшимъ сыщикомъ и вѣдѣетъ съ тѣмъ псаремъ. Фамилія этого полнейскаго „Пороса“. Онъ латышъ родомъ, въ силу своего дальняго родства, былъ знакомъ съ Айзуномъ и имѣлъ мысль, что-де хорошо бы было, если бы Айзунъ женился на его сестренчѣ. Подумавъ, что т. Айзунъ не только не склоненъ на бракъ со сестренчикою Пороса, но только не обращаетъ на нее надлежащаго вниманія, но посватался къ совершенно другой дѣвушкѣ, Порешѣ, захудалѣ отъ Риги и оставилъ для этого планъ, если и не унылый, то въ всякомъ случаѣ злобный и ехидный. По-тому явился къ Айзуну съ нѣсколькимъ тому назадъ къ рижскому старшему полицмейстеру, по-лювику Рейхерду, и заявилъ, что подпор-

